

«Мы теряем язык...»

Москвич в четвертом поколении, автор сотен работ, среди которых – исторические исследования, серьезные публицистические статьи, книги о путешествиях по стране, труды по военной истории, культурологии, вопросам педагогики, – он самый неожиданный поступок в своей жизни совершил, когда приехал в наш город уже зрелым, состоявшимся человеком. Он приехал сюда, потому что очень хотел здесь жить и работать. Потому что сильно любил... петербургские метели и дожди, архитектурные линии и доминанты, и еще, потому что страстным научным увлечением с самой юности был Петр I и его эпоха.

Словом, разговаривать с нашим гостем можно почти обо всем, но есть тема, которая, как оказалось, никогда его «не отпускает». О судьбах тех, кого ему приходилось учить в очень разных московских и петербургских школах на протяжении 29 лет. Об учениках. Учениках – и знании. Познании мира – и просвещении.

– ...Так почему – об учениках, Густав Александрович, с которыми вы уже давно расстались?

– Я этой темой болен. Прошло восемь лет, с тех пор как выпустил свой последний, гуманитарный, класс, а она меня не отпускает. Почему?

К сожалению, у нашего общества, и в семье, и у самих педагогов, существует глубокое убеждение, что школа – это только подготовка, своеобразная прелюдия к будущей, настоящей, большой взрослой жизни. Очень опасное заблуждение. На самом деле именно в школе будущий гражданин приобретает самый главный в жизни социальный опыт: первые радости и разочарования, первые успехи и неудачи, первые измены и предательства, первые труднопреодолимые соблазны, первые размолвки. Все первое. Все впервой. В дальнейшей так называемой настоящей жизни слишком многое окажется не просто повторяющимся, но – вторичным.

– Но ведь одновременно у вас были и архивные исследования, и лекции, и работа на многомиллионную аудиторию советского телевидения, и научные статьи...

– Всегда был убежден: педагог – это одна из очень немногих профессий, которые стоят того, чтобы посвятить им жизнь; чувствовал, что нужен детям в процессе их жизненного становления.

Мы с ними никогда не ограничивались общением на уроках или проведением календарных внеклассных мероприятий. Наши беседы, наши хождения в гости друг к другу, наши вечера, наши удивительные путешествия и экспедиции...

Прошло столько лет, но многие ученики, с которыми мы до сих пор встречаемся, говорят, что как самое яркое событие всей жизни они вспоминают экспедицию 1969 года, когда 52 девятиклассника в течение 52 дней прошли с экскурсиями и исследованиями, делая собственные открытия, по тому маршруту, который никто тогда еще не называл Золотым кольцом.

– Хочется хотя бы одним глазком заглянуть в вашу педагогическую лабораторию. Рассказывают, ваши уроки были не совсем обыкновенными по форме и совсем не стандартными по содержанию.

– У меня всегда был один-два класса, не более, в разных параллелях.

В Петербурге, как и до этого в Москве, я вел занятия и в обычных школах, и в знаменитых новаторских. В 1987 году в 307-й ленинградской школе я создал первый в городе специализированный исторический класс; потом, в 86-й, мы вместе с коллегами набрали класс гуманитарный и отработывали модель взаимодействия школы с высшим учебным заведением. Мы вводили экспериментальные уроки по истории Петербурга, которые я вел по собственной программе, а преподавателей этой новой дисциплины начал готовить Университет Петербурга – созданная нами же, группой единомышленников, общественная организация, привлекающая к чтению лекций гуманитарную элиту Петербурга, исследователей в самых разных областях. Я никогда не придерживался жестко официальных программ курса истории и обществознания, не работал по учебникам, и мне никогда на это не пеняли, хотя на уроках слишком часто присутствовал кто-то из проверяющих либо пришедших за опытом.

Истории в специализированных классах уделялось больше часов, чем в других, и я понимал, что для успешной напряженной работы ребятки должны чувствовать себя комфортно, почти как дома. Поэтому господствующий жанр урока был размышление без вызовов к доске, с правом отвечать сидя и с особым поощрением за очень умный и тонкий вопрос. На дом – задания, нередко требующие настоящей исследовательской работы; за выдающийся вопрос – несколько «пятерок» в журнал.

– Вы рассказываете о временах уже отдаленных. Актуально ли все это сейчас?

– На меня сильное впечатление произвело недавнее Послание президента Федеральному собранию. Нашему обществу и миру были посланы очень важные сигналы – о том, как быстро и кардинально меняются приоритеты, как XXI век предъявляет миру и нашей стране свои жесткие императивы, заставляет по-новому взглянуть и непривычным образом реагировать на те требования, которые он выдвигает. Впервые настолько серьезно выдвигаются на первый план проблемы образования – уже не в усеченных рамках так называемого национального проекта, а в плане высшей государственной политики.

Это разговор о решающей роли интеллектуального ресурса, его накопления и умного, рачительного, целенаправленного использования в жизни страны.

– Как вы оцениваете состояние современного образования?

– Наше образование находится в глубоком кризисе. И уже давно. Этот кризис связан со многими причинами, обстоятельствами и понесенными образованием утратами. Он сказался, в частности, в том, что мы отделили образование от просвещения.

Странная вещь... В дореволюционной России, с того момента, когда в сентябре 1802 года молодой император Александр I создал первые восемь министерств взамен петровских коллегий, среди этих министерств было новое, никогда до этого в России не существовавшее, – Министерство народного просвещения. Под таким названием оно существовало и до 1917 года, и в Советском Союзе – как народный комиссариат просвещения, а потом Министерство просвещения.

Теперь его нет. На его месте – Министерство образования и науки. Оказались, с одной стороны, усеченными границы того явления и того целеполагания, которое мы называем просвещением, – они сужены до размеров образования, а с другой стороны, присоединена наука, у которой совершенно иные задачи, иная природа, иной способ существования и иная роль в мире и прогрессе.

– А в чем вы видите разницу между понятиями «образование» и «просвещение»?

– Образование – это сообщение людям суммы конкретных знаний, помогающих ориентироваться в мире и подготовиться к той профессиональной деятельности, к тому образу жизни, который предстоит каждому человеку по его выбору или велению судьбы. Не более того.

Просвещение – понятие гораздо более широкое. Это в первую очередь гражданственное воспитание. Воспитание человека в рамках и смыслах, определяющих его роль и место в обществе, его права и обязанности по отношению к обществу, его культурное бытие. Просвещение определяет отношение человека к своей стране, природе и задачам ее сохранения, к истории и традициям нации, к тем, среди кого он живет, воспитывает уважение к тем, кто рядом с тобой и кто в чем-то отличен от тебя... Во всем этом – высшая цель просвещения. И вот эту цель мы как-то последние десятилетия стали упускать. Это серьезнейшая гуманитарная проблема.

Мне близок тезис послания о том, что конечная задача просвещения – это подготовка человека, понимающего необходимость постоянно учиться и переучиваться, подготовка критически мыслящего гражданина.

И главное здесь – формирование образовательной политики. У нас, по сути дела, сегодня есть только тактика. Есть набор различных методик и рекомендаций, но это именно тактические усовершенствования, а вот стратегии, концепции образования, образовательной политики у нас пока что нет.

И мы, не очень сознавая отсутствие этих важнейших элементов в жизни общества и государства, сводим образовательную политику к разработке какого-то набора «стандартов». Что само по себе может оказаться очень опасным. Потому что стандарт – это всегда нивелировка. Всегда преодоление разнообразия. Всегда попытка, хотим мы или не хотим, ввести – а то и насадить – единомыслие, а иногда даже и одиночество. Но воспитать просвещенного – внутренне критически мыслящего гражданина, – тренируя его на стандартах, невозможно.

В школе традиционно насаждается преклонение перед методом репродукции – простого воспроизведения той учебной информации, которая звучит на уроках или изложена в учебнике и которую ученику надлежит даже не столько понять, сколько выучить. Меня в ужас приводят вопросы, которыми в школьных учебниках сопровождаются параграфы текста. Готовые ответы на них содержатся в самом тексте.

– Введение единого государственного экзамена, как понимаю, способствует развитию стандартов и стандартности?

– К опыту ЕГЭ пока обращаться трудно – недостаточно наблюдений. И не случайно, как отмечают почти все эксперты, наименее результативными оказываются те задания ЕГЭ, которые рассчитаны на самостоятельное размышление и творческое воображение экзаменуемого.

А ведь, по сути дела, задачи школы очень просты. Развитие любознательности и интереса к знанию. Помощь в выработке навыка, алгоритма решения той или иной учебной задачи, технологических (если хотите, ремесленных) приемов такого решения. Человеку XXI века предстоит непрерывно всю жизнь учиться, доучиваться и переучиваться. И школа должна к этому готовить. Убеждать в этом.

И еще одна задача школы, как я ее понимаю. Человек должен выходить из нее вооруженным основами того, что мы называем миропониманием, системой отношений разных элементов бытия и осознанием своего места и роли в этом мире. Между тем ни один предмет к моменту окончания школьного образования «не подведен под крышу». Огромный объем учебного материала, изучавшийся на протяжении многих лет, оказывается незавершенным, недоговоренным, не подытоженным. Сегодняшнему школьнику явно не хватает умения и склонности к научному и философскому осмыслению всего огромного материала, изученного в школе.

– Все, что вы говорите, раскрывает идею, которой вы часто касаетесь и в лекциях, – о гуманитарном стержне всего школьного образования?

– Именно так. Гуманитарный стержень всегда был основой и традицией петербургской школы во все периоды ее истории. И речь идет о преподавании не только предметов гуманитарного цикла, а о гуманитарном духе, атмосфере, гуманитарном наполнении всех предметов.

Есть общие законы, для открытия, изучения и осмысления которых у каждой науки своя методика, своя лаборатория, свои тайны, свой птичий язык, но у всех наук – общие принципы, единая логика, единые требования достоверности и доказательности. Эта гуманитарная системность нынешней школой почти начисто утрачена.

– Наверное, было бы все-таки неправильным в нашем разговоре обойти вниманием положение конкретных гуманитарных дисциплин современного школьного образования?

– Оно просто катастрофическое.

Мы теряем язык – самое великое и прекрасное наше национальное достояние. Нынешняя школа живет вне «мира слова», вне того отношения к языку, которое раньше именовалось очень емким, хотя и старомодным, словом «словесность». Школьный курс литературы низведен до постыдного положения не только сокращением учебных часов, но и тем, что школьники почти исчезли из жизни как читатели.

– А история?

– Ее положение отражает странное, мягко выражаясь, отношение нашего общества к своему прошлому, к его изучению и истолкованию.

То, что мы в целом народ, не знающий своей истории, воспитанный на исторических мифах и предвзятостях, – вообще большая беда нашего общественного сознания и одна из основных причин нашей низкой не только исторической, но и политической культуры. Немыслимое изобилие действующих учебников и учебных пособий, фантастические версии и теории, становящиеся модными, опорочение прежних и возвеличивание новых персонажей истории – все это заполняет газеты, десятки журналов, теле- и радиоэфир и, конечно же, обрушивается на школу.

– Но история всегда была политизирована!

– История всегда была политизирована, находилась под влиянием, а часто – в услужении различных политических сил. Но беда истории – видимо, непреодолимая – в том, что она оказалась единственной наукой, от которой требуют не столько исследования событий, персонажей, сопоставления фактов и вариантов их сочетания, сколько оценки этих событий и фактов. А ведь это совсем не задача науки. Любая наука, работая со своим материалом, его описывает, уточняет, проверяет, анализирует и делает прогнозы, но не оценивает, тем более в «двоичной системе»: однозначно хорошо или однозначно плохо, черное или белое.

– Выходит, вы не случайно, будучи профессиональным историком и ведя специализированные классы, не ставили целью готовить историков?

– Никогда не ставил такой цели. Мы с коллегами пытались выполнить общую гуманитарную задачу. Мы понимали, что в изучении того или иного предмета наши ученики пойдут дальше нас, и стремились подготовить их к этому пути, чтобы он был успешным. Мы пытались создать особую интеллектуальную и духовную среду, и дети охотно на это откликались.

И не случайно также то, что среди наших учеников – много людей, пошедших разными дорогами и состоявшихся в своих профессиях... Мы до сих пор встречаемся, и совершенно очевидно, что духовная, гуманитарная составляющая того образования, которое они получили в школьные годы, в значительной мере определила их судьбы.

ФОТО Дмитрия СОКОЛОВА

**Подготовила
Инна ИВАНОВА**